Татьяна Зубачева

Реальный мир

Дворы и бульвары

12+

Татьяна Николаевна Зубачева

Реальный мир. Дворы и бульвары

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63612283
SelfPub; 2020

Аннотация

Собачьи истории, собачья жизнь… О братьях наших меньших, об их преданности и отваге. Четыре лапы идут за мной, Куда бы мне ни пойти, В огонь и воду следом шагнут, И не свернут с пути. Т. Зубачева

Содержание

Варежки из мохера 5
Маня 11
На бульваре 15
На выставке 17
Пациенты 20
Риф 22
Старый Ольгерд 25
Фараон 28
Хам 32

Татьяна Зубачева
Реальный мир. Дворы и бульвары

Объективная реальность, данная нам в ощущениях

Варежки из мохера

Варежки лежали на скамейке. Пёс – серо-чёрный спаниель – пробежал мимо, не заметив, а человек остановился. Пёс, сосредоточенно сопя, вынюхивал вмятины следов на талом снегу, а человек задумчиво вертел в руках тёмно-красные варежки, и с них тяжело и редко капала вода. Казалось бы, что тут можно так долго рассматривать? Мало ли что теряют люди. Но человек всё думал, и ещё неуверенная хитрая улыбка всё шире расплывалась на его лице.

– Псятина, а псятина, – позвал он негромко собаку.

Пёс нехотя оторвался от волнующего жёлтого пятна на осевшем сугробе и обернулся к хозяину.

– Поди-ка сюда, – не выпуская варежек из рук, человек сел на скамейку.

В голосе хозяина пёс не услышал приказа, но он всё же задумчиво встряхнулся, оглушительно хлопнув намокшими за прогулку ушами, и неспешно подошёл. Сел было у ног, но на раскисшей дорожке сидеть неприятно, потом эту холодную грязь долго и – чего там таить! – больно вычёсывают из шерсти на лапах. Поневоле зарычишь, обижая хозяина. Пёс решительно вспрыгнул на скамейку и уложил на хозяйские колени передние лапы и голову.

– Слушай, – говорил человек, – зачем я тебя учил на розыскную собаку, а? Зачем мы мучились на площадке? Задер-

жать ты можешь только облизыванием, а без задержания и розыск твой никому не нужен.

Пригревшись на весеннем солнце, пёс спокойно слушал, время от времени вежливо подрагивая обрубком хвоста. Понимать он не старался: судя по тону, хозяин не для него, для себя говорит.

– И вот у нас появляется возможность проявить свою квалификацию в благородном, не требующем насилия над собственной натурой, деле. По-моему, упускать такой шанс нельзя. Согласен? Твоё молчание, как всегда, красноречиво. Рассуждаем дальше. Издалека на наш занюханный бульвар не поедут, значит, транспорт исключаем. Логично? По-моему, да. А что из этого следует? Из этого следует, что владелица, а мужчины предпочитают перчатки, итак, владелица сих варежек находится в доступной нам зоне. Ты смотри, какой из меня Шерлок Холмс потихоньку растёт. Итак, надо действовать!

Пёс уже давно пробудился от дрёмы. Не меняя позы, он горящим взором следил за танцующими на дорожке голубями, хвостик крутился вентилятором, аж всё тело вздрагивало.

– Что, псятина, – нагнувшись, человек заглянул в собачьи глаза, – что, кровь заиграла?

Пёс тут же оторвался от голубей и ловко лизнул хозяина в губы. Человек рассмеялся, вытирая лицо, и пёс, обрадованный его смехом, заелозил, выгибая шею и норовя перевер-

нуться на спину.

– Ну, лизун, – хозяин почесал ему грудку, погладил по животу. – Ах ты, писюх грызушный. Ну, хватит. Работать будем.

Пёс тут же вывернулся и спрыгнул на землю, встал перед хозяином, глядя ему в лицо: «Вот он я, весь твой душой и телом!»

Человек вывернул варежку наизнанку и поднёс к собачьей морде.

– Нюхай.

Пёс добросовестно набрал полный нос запаха и энергично дёрнул хвостиком. Дескать, понял и запомнил.

– А теперь ищи. Ищи!

Запах слаб и неприятен. Сам бы он ни за что не пошёл по такому следу, но раз хозяин просит…

Пёс старательно прострачивает зигзагом узкий бульвар от ограды до ограды, порыкивая на мешающие сейчас собачьи визитки. Наконец, остановился и обернулся к хозяину. Нашёл!

– Нашёл? Ай, молодец, ай умница! – хозяин спокойно, как на площадке, подошёл и пристегнул поводок. – След, маленький, след.

Легко сказать: «След!». А тут и натоптано, и напетляно, и вода текучая, и поводок короток для следовой работы…

Они покружили по бульвару под недоумённые взгляды и негодующие возгласы прохожих и очутились у выхода. Здесь

след сдвоенный: на бульвар и с бульвара. С бульвара посвежее. Взяли!

Низко пригнув голову, так что уши мели асфальт, возбуждённо и быстро крутя коротким обрубком, пёс тащил за собой человека.

В нескольких местах след перекрывали шины или чужие резиновые подошвы, но разрывы короткие. Это мы умеем.

Они так сосредоточенно шли вдвоём по следу, что весенние улицы, полные людей, ворон, машин и голубей, вымерли и опустели для них.

На полном ходу они проскочили между двумя молодыми мужчинами в светло-строгих костюмах с пламенеющими на белых рубашках бордовыми галстуками. Показав глазами собеседнику на следопытов, один сказал:

– Плотно работает. С интересом.

– Дилетант, конечно, но собачка перспективная, – ответил второй…

Человек и собака, соединённые поводком в одно целое, бежали всё быстрее. Человек задыхался, по лицу катился пот, а он не мог решиться отереть его зажатыми в кулаке варежками: вдруг понадобится напомнить запах.

Улица…

Переулок…

Двор…

Наконец, полутёмный и прохладный подъезд, гулкая лестница коробкой и обитая кожей дверь. Пёс сел перед ней и

легонько царапнул кожу лапой. Здесь след кончался.

Человек вытер рукавом лоб, отдышался и нажал звонок.

Дверь распахнулась почти сразу, и, загораживая собой проём, перед ними возникла женщина в открытом халате и почему-то с длинной чернобуркой вокруг шеи. В глубине квартиры тихонько звякала посуда и мурлыкала музыка. Пёс потянулся к женщине, но его сразу отдёрнули, и он снова сел у ноги.

– Простите, пожалуйста, – человек улыбнулся и протянул ей варежки. – Это не вы оставили на бульваре?

Женщина быстро оглядела его от облезлой шапки до старых заляпанных свежей грязью ботинок, отметив и бесформенную куртку, и пузырящиеся на коленях брюки. Лицо её дрогнуло. Она облегчённо вздохнула и вырвала варежки.

– И какого хрена?! Мог сразу принести! И аккуратнее! Это же суданский мохер! А ты его… Пшёл вон, ни хрена не отломится!

И дверь захлопнулась.

Человек ошарашено посмотрел вниз и встретился с собачьим взглядом. Пёс преданно смотрел на его карман и облизывался.

– Ну, получай, получай. Заработал.

Сглотнув свой честно заработанный сухарь, пёс встряхнулся и потащил хозяина вниз, на солнце…

Уже когда они шли домой, человек спросил собаку:

– Как ты думаешь, сознание собственного благородства

достаточная награда или нет?

Пёс оглянулся было, но тут же повернулся к стене, где у водостока расписывались все собаки. Вскинув лапу, он аккуратно отметился и только тогда негромко тявкнул.

Маня

В группе общего курса дрессировки новенькая. Изящная зонарно-серая овчарка смущена обилием собак и их бесцеремонностью. В своём дворе она безоговорочно властвует, там ей сразу уступают дорогу, чуть что – переворачиваются перед ней на спину, а здесь… Толкают, нюхают, где хотят… И в перерыве она не отходит от хозяйки, показывая зубы каждому приближающемуся.

– Манечка, ты бы поиграла с собачками, – уговаривает её хозяйка.

Маня отворачивается и теснее прижимается крупом к её ногам.

Собаки быстро перестали обращать на Маню внимание. Уже на следующем занятии к Мане никто не подходит. До начала ещё полчаса, и собаки носятся кругами, ничего не слыша и не видя вокруг. Маня не выдерживает. Она отрывается от ног хозяйки, осторожно идёт навстречу весело рычащей массе и останавливается на их пути. Хвост у Мани чуть-чуть приподнят и слегка колышется из стороны в сторону, пасть полуоткрыта. Собаки, не останавливаясь, пробегают мимо неё. Ни одна не задела, не задержалась обнюхать.

Больше Маня к собакам не подходит. На переменах она лежит у ног хозяйки, одинокая и несчастная, и слушает, как другие люди её обсуждают: они-то своих по полчаса ловят,

их собаки всегда грязные, возбуждённые, их успокаивать и успокаивать, а тут никаких тебе хлопот.

Но в этот день всё было иначе. Длинноухий, лоснящийся на солнце спаниель уже давно издали наблюдал за Маней. И сегодня он вдруг пошёл к ней. Подбежал мелкой рысцой, остановился в двух метрах от неё и встал боком, высоко подняв голову и быстро крутя хвостиком. Маня приподняла голову, повела хвостом, но не двинулась с места. Спаниель подошёл и коснулся носом её носа, облизал ей углы рта. Маня вежливо встала так, чтобы он смог обнюхать её. Минуты две они обнюхивали друг друга, виляя хвостами. Потом спаниель отпрыгнул, припал к земле грудью и отскочил на два шага, встал, оглядываясь через плечо. Маня повторила его движения и подбежала к нему. Снова обнюхались и облизали друг другу морды. Лёгкой неспешной рысцой они обежали дрессировочную площадку, спаниель чуть впереди, как вожак. Потом играли и так заигрались, что их пришлось растаскивать за ошейники в разные концы строя.

С того дня они стали неразлучны. Другие собаки пробовали присоединиться к ним, но спаниель отгонял их от своей подруги, а когда противник оказывался сильнее, Маня сразу кидалась на помощь. Так вдвоём они сильно искусали нескольких крупных собак, и все оставили эту пару в покое.

Когда один из них пил из лужи или что-то обнюхивал, второй всегда стоял рядом, охраняя приятеля. Стоило кого-то из них послать на бум или лестницу, другой срывался

из строя и бежал туда же, чтобы быть рядом.

Спаниель долго отказывался прыгать через высокий барьер, и инструктору пришлось насильно затаскивать его на препятствие. Спаниель огрызался, на него надели намордник, и тогда он стал отбиваться лапами и головой, разбив в кровь губы наклонившейся над ним хозяйке. И всё это время Маня надрывно лаяла и выла, рвалась к барьеру. Её с трудом удержали. Когда всё кончилось, и инструктор пошёл вдоль строя, Маня сделала резкий выпад в его сторону. От более серьёзного её удержал поводок, но рукав инструкторского полушубка был располосован от плеча до манжеты.

А когда Маня не хотела ложиться, и её хозяйка навалилась на неё, вдавливая в снег, и Маня взвизгнула, спаниель вывернулся из ошейника и впился зубами в подставившуюся ему часть тела Маниной хозяйки. От ранения женщину спасли ватные штаны и масса поддетого под них.

Уже к весне Маня больше месяца не появлялась на занятиях. А когда её привезли, казалась какой-то странной. Она шла за хозяйкой, опустив голову и волоча хвост. Спаниель, увидев подругу, кинулся к ней, но она не замахала, как обычно, хвостом, не побежала навстречу, а легла, прижалась к земле, даже уши у неё легли на шею, будто она хотела стать совсем плоской, незаметной. Спаниель крутился вокруг, лизал ей морду, заглядывал в глаза, а она словно не замечала этого, чуть слышно поскуливая.

Хозяйка Мани словоохотливо рассказывала, что Маню

возили к жениху, клуб ей подобрал такого красавца, чемпиона, а Маня чуть не загрызла его. Пришлось надеть намордник, строгий ошейник, связать ей лапы, и если бы не инструктор с помощниками, то ничего бы не получилось.

Она рассказывала, обсуждала цены на щенков, а Маня попрежнему лежала и скулила, и спаниель стоял рядом с её головой. Он то наклонялся и облизывал Мане глаза и морду, то выпрямлялся, высоко вскинув голову и оттопырив хвостик, и рычал, вызывая на бой невидимого противника.

На бульваре

Важный, полный сознания своей красоты, черно-белый колли не идёт, а шествует по залитой солнцем сентябрьской аллее. Рядом с ним девочка в курточке поверх школьной формы. Их соединяет тонкий кожаный поводок, и совершенно ясно, что в этой паре колли главный, он определяет и темп, и маршрут прогулки.

На шаг сзади этой пары держится компания подростков. Их немного, человек пять-шесть, не больше. Негромко, так, чтобы их слышала только девочка, они обсуждают между собой, сколько может стоить шапка из такой шкуры, как лучше эту шкуру сдирать и обрабатывать, что если не делать ушанку, то из хвоста будет воротник, и насколько комплект шапки с воротником выгоднее обыкновенной ушанки.

Глаза девочки полны слёз, она пытается ускорить шаг, уйти от преследователей, но собака её совершенно не слушается. А парни обсуждают процесс сдирания шкуры всё подробнее и тщательнее. Ненадёжность поводка и пустынность бульвара они уже обсудили.

– Здравствуй, Леночка! – низкий мужской голос заставляет девочку вздрогнуть и оглянуться.

На соседней аллее плотный широкоплечий мужчина держит за ошейник огромного серо-желтого пса, больше смахивающего на медведя.

– Здравствуйте, дядя Володя! – радостно отвечает девочка. – Ну, как ваш Шайтан?

– Как видишь, всё отлично. Только с дачи вернулись. Ну а у вас как? Есть проблемы?

Леночка оборачивается и видит только спины мальчишек, перепрыгивающих через ограду, и как они бегут к остановке.

– Спасибо, дядя Володя! – кричит она. – Никаких проблем!

На выставке

Жаркое, даже слишком жаркое лето. Заполненный людьми и собаками парк раскален солнцем, людскими переживаниями и страданиями мающихся в расчёсанной шерсти собак.

Плотный полуголый мужчина в шортах несет на плечах сына. Мальчишка держит папу за уши и так поворачивает его голову к самому интересному. Заглядевшись на ринг доберманов, они налетают на стоящую посреди дорожки женщину и начинают её разглядывать как музейную витрину.

Высокая худощавая, с безукоризненной осанкой, она гордо несет кудрявую голову. Можно представить, какая это была когда-то пышная прическа. Кудри и сейчас обильны и прекрасны, но их прошлый цвет не определить. Сейчас они снежно-белые, кипенно-белые, облачно-белые. Красный летний костюмчик на женщине настолько хорошо сшит и элегантен, что его цвет не кажется вызывающим. На руках у женщины бесконечно белая и беспредельно кудрявая болонка. Из-под красного бантика блестят чёрные весёлые глазки.

– Сё это? – изумлённо спрашивает малыш.

– Да шавка какая-то, – начинает отец и осекается под строгим взглядом по-молодому чёрных глаз женщины.

– Это, – очень спокойно говорит она, – это два килограмма преданности и немного шерсти.

С запястья женщины свисает двухрядное ожерелье золотых медалей.

На почтительном расстоянии от привязанных к тонким березкам кавказских овчарок толпятся восторженные зрители. Собакам жарко, языки свисают до земли, тяжело вздымаются и опадают бока.

Лучше всех устроился самый большой пёс в пышной буро-белой шерсти. Натянув привязь и потеснив остальных, он раскопал землю и лежит в прохладной сырости в самом тенистом месте. Склонив огромную голову, он лижет свои передние лапы и трётся о них головой и шеей, благодушно щурит глаза.

Зрители беседуют вполголоса, будто боясь потревожить великолепных в своем могуществе зверей. Громко говорит только один. Он стоит чуть впереди, как бы между собаками и людьми и упоённо ораторствует.

– Эт-то не собака, – кричит он. – Эт-то зверь лютый! Ему человека разодрать раз плюнуть, ему эт-то в удовольствие только.

– И любого раздерёт? – подбадривают оратора из толпы.

– А чего ж, – радуется он. – Конечно, любого. Ребёнок там или кто, не посмотрит. Ему б только до крови добраться. А сильны! Бетонные столбы гнут.

– И хозяина рванет? – гнёт своё тот же голос.

– А чего ж, ему без разницы. Только палку забудь и всё.

Во смотри. Ну ты, – обращается он к буро-белому псу, – ты, ск-котина!

Пес поднимает голову и внимательно смотрит на оратора, на зрителей.

– Во, я ж говорю, зверь! Вот я слово скажу, враз кинется!

И он начинает кричать.

– Взять их, куси! Чужой, фас-с, взять их!

Зрители бледнеют, но стоят неподвижно. Человек прыгает, нелепо машет руками. Наконец пес пороховым взрывом выбрасывает гулкий выдох-лай. Оратора как порывом ветра сразу относит к зрителям. Пряча улыбающуюся морду, пес снова лижет лапы. Остальные овчарки даже не поднимают голов. Видимо, привыкли.

Пациенты

В ветеринарной поликлинике часы приема. Врачей, как везде, не хватает, и очередь движется медленно. Собаки, кошки, хомячки, попугайчики… Все здесь. И тихо. Изредка заскулит собака или мяукнет недовольная заточением в сумке кошка. Люди оживлённо, но вполголоса беседуют, обмениваясь рецептами и именами врачей.

Уже час никто не выходит из кабинета. Там идет операция. Пришедшие раньше рассказывают остальным: там собака, сбитая машиной. Перебегала улицу и попала под колесо. Принесли её сюда двое, муж и жена. Муж сейчас в кабинете, а жене стало плохо с сердцем, вон сидит.

– Как же вы её без поводка отпустили? – спрашивает кто-то.

– А она не наша, – тихо, словно извиняясь, отвечает женщина. – Мы никогда собак не держали, ни кошек. Никого. Муж мой не любит животных.

– Как же вы её донесли?

– У мужа шарф широкий, белый. Завернули осторожно. Её к обочине отбросило. А чья она, мы не знаем. Мы только видели, как побежала она. Муж ещё сказал, много бездомных собак стало. И тут машина из-за угла. Ну и… на наших глазах всё.

– Бездомная значит, – звучит сразу несколько голосов.

Владельцы собак сочувственно вздыхают, прижимая и оглаживая своих любимцев.

– И куда же её теперь?

– Себе возьмём, – сразу отвечает женщина. – Муж сказал, если выживет, то у нас жить будет.

В очереди сидит пожилая женщина в необычном здесь тёмно-синем «правительственном» костюме, кружевной воротничок блузки заколот изящной брошкой, седые волосы уложены старомодным валиком, на левой стороне жакета разноцветные орденские колодки. На коленях женщины лежит маленькая рыжая собачка, похожая на миниатюрного оленёнка. Треугольные ушки-локаторы чуть дрожат, глаза прикрыты. Чёрная изящная мордочка покрыта серой пылью седины. Собачке неудобно: она явно хотела бы свернуться клубком, но ей мешает шина на передней лапке.

– А что у вас? – спрашивает соседка.

– Перелом. В старости, – ушки собачки сразу настораживаются, будто произнесли её кличку. – В старости кости хрупкие. Спрыгнула неловко с дивана и поскользнулась.

– А вы без очереди идите. Вы же ветеран, – советует соседка.

Собачка медленно встаёт, держа на весу переднюю лапку, и заглядывает снизу вверх в лицо хозяйки.

– Так это ж я ветеран, а не она, – спокойно отвечает женщина. – Правда, Муся? Ей общая очередь.

Муся осторожно переступает и укладывается обратно.

Риф

Колли Рифа знает весь бульвар. Его так и зовут – красавчик Риф. И Риф это знает. Он любит, бегая за палкой или снежком, вдруг остановиться и застыть в картинной стойке. Стоит с гордо поднятой головой и слушает, как его хвалят.

Риф и в самом деле красив. Узкая, изящных обводов морда, пышное белоснежное жабо на груди, огненно-рыжая спина, мягко надломленные в верхней трети уши, темно-карие ясные весёлые глаза, сильные лапы, пышный стелющийся по ветру хвост… И ко всему этому мягкий ласковый характер, безукоризненные манеры. Немудрено, что Риф так и купается в океане всеобщей любви. Его веселый, звонкий, как у всех колли, лай приветствует знакомых и возвещает игры.

– Красавчик мой! Душка моя! – тискает Рифа Инна.

В объятиях хозяйки Риф блаженно замирает, и только хвост мечется опахалом.

Вечером на боковой аллее «большое собачье общество». Владельцы неспешно прогуливаются, а собаки кружатся по заснеженным газонам. Вылетел из темноты Риф, приветственно взлаял, ткнулся наскоро носом в ласкающие руки и снова унёсся в темноту.

И вдруг оттуда, из темноты, крик, лай, снова крики. Разноголосым хором взорвалась собачья свора, но милицейский свисток заставил владельцев расхватать собак и остаться в

тени.

Словом, в ближайшее отделение были доставлены Риф, Инна и импозантный мужчина в роскошной дубленке. Он кричал, что на него натравили собаку, что порвали одежду, искусали, что этого так оставить нельзя. Инна по-девчоночьи ревела в голос и кричала сквозь рёв, что она спокойно шла, а этот стал хватать её, неприлично ругаться, что Риф только залаял и прыгнул ему на грудь, что Риф вообще не кусается.

Инна замолчала после первого же окрика. Мужчина демонстрировал порванную на груди дубленку, а Инна тихо плакала в ожидании дальнейших неприятностей. Риф полизал ей руки и… отправился гулять. Он такого ещё не видел и не нюхал. И поначалу на него не обратили внимания. Все были заняты потерпевшим и коротким разрезом на груди дубленки. Разрез повторялся на пуловере, рубашке, а когда мужчина снял и рубашку, все увидели слева, напротив сердца, красную короткую полоску, пересекающую сентиментальную татуировку – голубка.

– Вот это собака! – сказал кто-то, и все сразу обернулись, отыскивая собаку.

И стало тихо.

Риф стоял возле писавшего протокол дежурного и задумчиво лизал ему щёку и ухо, сбивая набок фуражку. Дежурный, не отрываясь от протокола, отпихивал его локтем, но Риф только переступал с ноги на ногу, продолжая вылизывание.

– Девушка, отзовите собаку, – сказал очень спокойно один из милиционеров.

– Рифуля, – всхлипнула Инна, – ко мне. – Риф оглянулся на неё, но не отошёл, и тогда она добавила. – Дядя не хочет играть, иди сюда.

Риф, не спеша, подошел к ней, сел рядом, положил голову на её колени и прикрыл глаза. Стояла прежняя тишина, и в ней очень громко прозвучал голос молодого парня в штатском, рассматривающего одежду потерпевшего.

– Нет, – возразил он кому-то, – для бритвы порез короткий, похоже, заточка.

– Идите, девушка, – дежурный аккуратно складывал лист протокола вчетверо. – И в случае повторного выгула собаки без поводка будете привлечены к административной ответственности, – закончил он весьма суровым тоном.

Выскакивая с Рифом за дверь, Инна услышала.

– Ну, давайте, гражданин, с вашим порезом разбираться. Собака так не кусает…

Дома Инна долго целовала и всячески ласкала Рифа, а под конец вздохнула:

– И умница ты у меня, и красавчик, а кусаться так и не научился. Как был у тебя вместо хватки щипок, так и остался.

Риф согласно замахал хвостом и подсунул под её руку нос, прося продолжить поглаживание.

Старый Ольгерд

Ольгерд, старая овчарка, очень крупный массивный пёс, не спеша, идёт по бульвару. Когда-то он служил на «Петровке 38», но после того, как пуля перебила ему нерв на левой задней лапе, его комиссовали, и он теперь на покое. Ему через третьих-четвёртых знакомых нашли семью, где согласились принять ветерана, и теперь Ольгерд живёт в квартире и степенно, оберегая больную лапу, гуляет по бульвару привычно слева от хозяина.

Молодой тигровый дог, увидев Ольгерда, взвивается на дыбы, рычит и лает, захлебываясь злостью. Ольгерд продолжает нюхать пень от недавно спиленного дерева. Дог наступает, волоча за собой хозяина, брызги пены и слюны разлетаются вокруг его морды при каждом рывке. Ольгерд медленно поднимает голову и смотрит на дога. Он не рычит, даже не показывает зубов, просто стоит и смотрит. Но воинственно задранный хвост дога начинает опускаться, рычание смолкает. Дог растерянно топчется на месте, и хозяин без труда оттаскивает его. Ольгерд великодушен: он не смотрит, как уводят побеждённого, и возобновляет обнюхивание пня.

Маленький двухмесячный спаниель, потряхивая ушами и крутя хвостиком-пупырышкой, бежит навстречу Ольгерду. Лапки еще заплетаются, щенок наступает себе на ухо и падает. Ольгерд терпеливо ждёт, пока щенок подбежит, потом

величаво склоняет лобастую серо-желтую голову и дает щенку потыкаться носиком в свой нос. Начинается урок. Ольгерд лапой легонько толкает щенка в бок. Тот распластывается на дорожке, чуть ли не по-кошачьи впиваясь когтями в песок. Щадя самолюбие малыша, Ольгерд валит его не на спину, а на бок и, держа кончиками клыков тоненькую шейку, негромко урчит. Как только клыки разжимаются, щенок вскакивает и отряхивается. Тональность рыка сразу меняется, становится выговаривающей, и щенок замирает на месте. Ольгерд пригибает голову, подставляя щенку шею. Спаниельчик с разбега бьёт плечом по передней лапе, и Ольгерд осторожно, чтобы не придавить «противника», заваливая непослушный зад, ложится и перекатывается на спину. Пыхтя, цепляясь передними лапками и отталкиваясь задними, щенок забирается к нему на шею, набирает полную пасть жёсткой жёлтой шерсти на горле Ольгерда и дёргает её, мотая головой и восторженно рыча. Ольгерд лежит неподвижно, тихо удовлетворенно рычит, и только толстый пушистый хвост медленно колышется из стороны в сторону.

Иногда парализованная лапа подламывалась, и Ольгерд падал. Вставал он всегда сам. Даже если хозяину приходилось ему помогать, то он не смотрел на Ольгерда, и только рука его или нога как бы случайно касались собаки, поддерживая или направляя.

В сухую, но не жаркую погоду Ольгерд чувствовал себя лучше и шалил. Внезапно делал зверскую морду и показы-

вал зубы какому-нибудь прохожему. Человек испуганно шарахался в сторону, хозяин нарочито строго ругал «старого дурака», а Ольгерд счастливо ухмылялся, махая хвостом.

Потом Ольгерд умер. Узнали об этом случайно. Кто-то из собаководов, встретив его хозяина, спросил, почему не видно Ольгерда.

– Умер, – неохотно ответил тот.

– Отчего? Что у него…?

– Отчего, отчего. Умер и все, – он резко оборвал разговор и быстро ушёл.

Новой собаки он не завёл.

Фараон

Он весь чёрный, короткая холёная шерсть отливает на солнце серебром. Когда он открывает пасть, ослепительно белые зубы кажутся светящимися. Точёные, изящные и одновременно мощные формы, бесконечная гармония облика и движения. Скульптурные позы естественны и непринужденны. Мускулы чётко прорисовываются под тонкой кожей без карикатурной утрированности. Он – дог. «Аполлон собачьего мира», как пишет на рекламных стендах выставочный комитет. И Фараон, похоже, ни на минуту не забывает об этом.

Днем с Фараоном гуляет самый младший хозяин. Когда они идут по улице – хозяин гордо держит Фараона за ошейник – прохожие останавливаются и смотрят вслед: не часто увидишь собаку одного роста с хозяином.

Чтобы попасть на пустырь, надо пересечь улицу. Тщетно хозяин пытается это сделать в самом удобном, на его взгляд, месте. Пока они не дойдут до «зебры» со светофором, Фараона с тротуара не стащить. А если хозяин настаивает, Фараон и огрызнуться может. Дойдя до светофора, они останавливаются и ждут. Непонятно, что различает Фараон: цвет или место загоревшейся лампы, но на не зеленый свет он не пойдет. И не надейтесь.

Но вот под ногами трава, ошейник отпущен, и мощны-

ми плавными прыжками Фараон летит вперёд. Именно летит, настолько лёгок его бег. Из бездонного мальчишеского кармана извлекается теннисный мяч, и Фараон взмывает в прыжке, ловит мяч распахнутой пастью.

– Ты с мячом поосторожнее, – советует владелец изящной чёрно-белой колли. – Моя как-то чуть не подавилась таким, а у твоего пасть…

Фараон останавливается на бегу и оглядывается на голос. Убедившись, что расстояние между говорящим и хозяином достаточно безопасно, он продолжает игру.

Собак на пустыре прибавляется, игры становятся общими. Разномастная свора галопом, карьером несётся по кругу. И уже невозможно разобрать, кто за кем гонится, а кто сам по себе бегает. Фараон снисходителен к маленьким – а здесь все меньше него – и не обижается, если они в пылу игры и облают его.

И вдруг всё меняется. С пронзительным сварливым лаем в круг врывается лохматый грязно-белый клубок шерсти, наскакивает на собак, всячески провоцируя драку.

Люди подзывали и уводили своих собак.

– С ней связываться… – бросил в сердцах владелец вёрткого светло-рыжего боксёра. Разгорячённый игрой, тот крутился, не давая пристегнуть поводок.

А через пустырь к ним спешила, спотыкаясь на высоких каблуках, шарообразная хозяйка скандалиста. Проклятия и обвинения лились свободным буйным потоком.

– Развели!.. Затравили!.. Носит их тут!.. – она так спешила, что мешала самой себе.

Выронив палку, Фараон со спокойным интересом наблюдал за беснующейся парой, пока хозяин не кинулся его оттаскивать. Вцепившись обеими руками в ошейник, мальчуган закричал.

– Фу, Фараон! Нельзя! Не смей!!!

– А ну убирай своего! На цепи держи! Стрелять таких надо!!!

Фараон морщил губу, показывая огромные клыки, но его нежданные противники не унимались.

Фараон не рвался, даже не пытался шагнуть вперёд. Он стоял неподвижно, и двигалась только голова. Там налились кровью глаза, распахнулась огромная пасть и вырвался гулкий, отдавшийся эхом лай. Собачонку будто взрывной волной приподняло и отбросило в сторону, а её лай сразу стал жалобным визгом. Хозяйка бросилась к ней и схватила на руки.

– Хулиган! В милицию сдам! В колонию!.. Бандит! Да я… – она захлебнулась словами и побежала к дальним домам.

Фараон завилял хвостом и, обернувшись, одним взмахом языка облизал лицо хозяина.

– Молодец твой, – рассмеялась владелица пекинеса, переждавшая грозу за деревом. – Голова дерётся, а тело стоит.

– Он меня повалить боится, – объяснил мальчик, обтирая

лицо рукавом.

– Молодец, – повторила женщина. И посоветовала. – Только лучше уходи сейчас, а то она и впрямь милицию приведёт. С неё станется.

Говорят, через неделю Фараон и скандалист снова столкнулись, вернее, тот сам налетел на Фараона. Но Фараон гулял со старшим хозяином и сделал ответный прыжок. Говорят, он только взмахнул головой, обнажив клыки, и даже не сжал челюстей. Но это говорят.

Во всяком случае, ни на пустыре, ни в других «собачьих» местах округи эту женщину и её собаку больше не видели.

Хам

Москва настолько велика, что в ней всё возможно. Даже такой двор. В центре многомиллионного города заросли клевера и репейника, остатки барбарисовых кустов, бузина и бурное разнотравье. А вокруг только глухие торцы кирпичных домов да многорядная дорога вдалеке. Сюда со всей округи сходятся собаки с болтающимися на поводках владельцами. Здесь можно провести выставку любого уровня, соревнования по любому виду дрессировки.

– Хам, сдохни! – раздается истошный вопль.

Хам послушно падает на землю, перекатывается на спину и замирает. Даже глаза закрыты.

– Ползи, падла!

Хам гибко переворачивается на живот и ползёт, вжимаясь в землю и не отводя ясно-карих влюблённых глаз от опухшего небритого лица своего хозяина.

– Сдохни! – команда и пинок в рёбра переворачивают Хама на спину.

– Ползи! – новый пинок.

И результат достигнут! Хам ползёт животом кверху. Извиваясь, корчась, он продвигается вперёд.

– Во как надо! – удовлетворён хозяин.

Хам и его хозяин всем известны. И чувства к ним испытывают разные. Но к Хаму относятся намного лучше.

Возраст хозяина определить невозможно, его одутловатое лицо всегда неестественно бледное, или столь же неестественно красное, налитое кровью. Одежда неопрятна, а запахи застарелого перегара и грязного тела заставляют всех держаться на дистанции. Речь у него невнятная, обильно пересыпанная руганью. Без Хама его никто не встречал.

А Хам был бы настоящей овчаркой, если бы не висячие уши: тиская в припадке пьяной любви щенка, хозяин перемял ему ушные хрящи. И как-то на спор хозяин зажал ему хвост дверью пивнушки, и теперь только по нелепой загогулине можно представить, что бы это было. Но рост, сила, великолепные зубы – всё при Хаме.

Иногда приходящие во двор застают Хама лежащим возле кустов. Значит, там отсыпается его мертвецки пьяный хозяин. Ближе пяти метров Хам никого не подпустит, но и желающих проверить это нет.

Хам может всё. Ему бы только понять, что от него требуют, а там он уж ни перед чем не остановится. Он подбирает мелочь с асфальта и собирает бутылки, радостно отдавая добычу хозяину, может выломать дверь, если по пьянке потерян очередной ключ, и в любую погоду всегда и везде он рядом с хозяином. И что бы хозяин с ним не делал, Хам готов на всё. Вот долго и тщательно Хам обнюхивает корявый ствол, у которого «расписываются» все собаки, и решает внести свою лепту. И когда он стоит на трёх лапах, вскинув четвертую, и процесс уже начат, хозяин вдруг резко дёргает

его за хвост, так что Хам с визгом падает и… и лежит, пока хозяин не разрешит встать. Из его рук Хам ест перец и густо намазанный горчицей хлеб и совершенно равнодушен к колбасе, сыру, печенью и прочим деликатесам, которыми потчуют других собак их владельцы.

– Во как надо! – поучает хозяин Хама других. – Вы со своими тютькаетесь, а надо… во как надо… Чтоб… собака была…!

Впрочем, понять его поучения трудно: пьяная невнятица и обилие ругани делают любую фразу длинной, непонятной и никому не нужной.

Потом Хам исчез. Хозяин перебрал и свалился, не дойдя до заветных кустов, прямо на улице. Хам, как всегда лёг рядом его охранять, бросаясь на каждого, кто ближе пяти метров. Прохожие вызвали милицию. После нескольких бесплодных подходов милиционеры застрелили Хама и увезли его хозяина в вытрезвитель.

Недавно – рассказывали во дворе – его видели. Он брёл, как всегда, пошатываясь и невнятно ругаясь, а за ним торопился на еще непослушных лапках щенок. Кажется, овчарка. Хозяин называл его Падлой.

Москва
1983